

УДК 81 / 82

ИСТОРИОГРАФИЯ И ЛИТЕРАТУРА: СОЮЗ ИЛИ СИМБИОЗ?

*А. М. Бондарева*¹

Рассматриваются особенности функционирования культурной памяти. Специальное внимание уделяется историографическим текстам, выступающим в роли ее носителей. Сравнительно-сопоставительному анализу подвергаются концепции о характере взаимоотношений историографических и литературных источников, основанном на оппозиции «нефикциональность – фикциональность». Формулируются выводы о релевантности эстетического начала при структурировании историографических текстов.

Ключевые слова: культурная память, исторические источники, историографические тексты, литература, фикциональность.

Субъективность и произвольность человеческой памяти издавна являлись предметом повышенного интереса со стороны мыслителей, ученых и людей творчества. Память-друг, память-враг, память-лекарь, память-палач, память-учитель, память-ноша, память-сокровищница – этот метафорический ряд можно продолжать до бесконечности, поскольку способность помнить и вспоминать всегда рассматривалась в качестве неотъемлемой и, по сути, онтологически обусловленной составляющей жизнедеятельности как отдельного индивида, так и человечества в целом.

Действительно, весь процесс когнитивной деятельности homo sapiens в любой его форме имеет ярко выраженный ретроспективный характер, представляя собой перманентную апелляцию субъекта к уже имеющемуся прошлому опыту в ходе сравнения и сопоставления

¹ Балтийский федеральный университет им. И. Канта
236041, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14.

Поступила в редакцию 17.05.2017 г.

doi: 10.5922/2225-5346-2017-2-6

© Бондарева Л. М., 2017

пережитого с каждым фрагментом вновь приобретенного опыта в целях осмысления этого нового опыта и его фиксации в качестве такового в собственном сознании.

Говоря о феноменологии памяти, мы традиционно различаем память отдельного индивида, то есть автобиографическую, и память коллективную, носителями которой могут быть конкретные социальные группы, национальные и межнациональные сообщества и т.д. При этом учеными установлены различные способы коллективной мнемотехники, служащие звеньями общественной организации процесса передачи воспоминаний, такие, например, как:

- устная традиция;
- исторические документы конвенционального характера (различного рода письменные источники);
- статичные или динамичные изображения (памятники, медали, картины, фотографии, киноархив и пр.);
- коллективные памятные ритуалы (напр., День Парижской коммуны);
- географические или социальные, то есть локально детерминированные феномены (переселения, разрушения и пр.) [2, S. 292].

Важным моментом в данном контексте является для нас то обстоятельство, что коллективная память человечества может быть репрезентирована в виде **текстов** (устных или письменных), в результате чего текст (а в более широком смысле слова — литературу и письменность) следует трактовать как основное средство вербализации, фиксации и автономизации коллективной памяти.

Однако в ходе вербализации коллективная память, как известно, трансформируется в *культурную память*, языковая организация которой предполагает функционирование текстов в роли своего рода «аккумуляторов», организующих трансмиссию культурной информации, и, соответственно, «генераторов» культурных процессов [10, S. 78–79]. Таким образом, с помощью литературного текста и на его основе происходит «самоузнавание» определенной культуры в событиях своей собственной истории, а искусство в целом предстает как некий ритуал по сохранению и увековечиванию памятных фактов, как необходимая для прогресса цивилизации «игра» с культурными образцами.

Как отмечает немецкий исследователь У. Эрнст, литература, то есть словесное искусство в частности, служит человеку инструментарием, позволяющим сохранить в культурной памяти при помощи *эстетического структурирования* дела и свершения предков, их жизненную мудрость и формы религиозного миропонимания [3, S. 73].

Согласно концепции немецких культурологов А. и Я. Ассман, переход исторических знаний из коммуникативной памяти как подвида коллективной памяти в культурную происходит на основе двух видов свидетельств о прошлом [1, S. 121]. Такими текстами – носителями культурной памяти – являются:

– «документы» (Dokumente), в частности демографические данные, военные сводки, церковно-приходские книги, меморандумы, мирные договоры и т. п.;

– «монументы» (Monumente), возникающие в процессе кодификации и аккумуляции воспоминаний социально обусловленной ценности, то есть, по мнению исследователей, тексты «любого рода и качества», в которых реконструируется реальное прошлое и к которым, безусловно, относятся **историографические тексты**.

Необходимо сразу подчеркнуть, что трансляция конкретных фрагментов культурной памяти посредством историографических текстов обладает определенной спецификой, обусловленной характером эпохи, способом экспликации и, самое главное, интенциональной установкой субъекта речевой деятельности. В результате история в той или иной степени всегда оказывается «приватизированной» ее интерпретаторами.

Так, сказатели мифов имеют обыкновение истолковывать знания о прошлом в форме сокровенных тайнств, а авторы хроник, в свою очередь, держат своеобразный отчет перед грядущими поколениями читателей. Летописцы нередко используют такие знания в социально-политических или национальных интересах. Наконец профессиональные историки, пытаясь подвести под коллективную память научную основу и подчеркнуто дистанцируясь от прошлого, претендуют на точность и максимальную объективность в изложении материала.

Естественно, в данной ситуации мы имеем в виду функционирование различных форм *исторического сознания*, которое реализуется в той или иной ипостаси в силу целого ряда причин, к которым относятся:

– стремление к восхвалению или героизации выдающихся исторических личностей (биография, агиография);

– отношение к историографии как к виду литературного творчества;

– осознание закономерности исторических процессов и, как следствие, необходимости запечатления этого обстоятельства;

– склонность к морализаторству / нравовучению, когда историография выступает как «критика действительности» («Не следует забывать о добродетели» (Тацит));

– понимание историографии в качестве признака человеческой цивилизации («Нельзя обходить жизнь молчанием» (Саллюстий)) [9, S. 193].

Впрочем, в любом случае мы исходим из признания того факта, что все историографические тексты, согласно определению, есть тексты, описывающие ИСТОРИЮ, под которой в формате и терминах когнитивно-дискурсивной парадигмы современного лингвистического мышления подразумевается концепт «История» как некий ментальный конструкт некоторой последовательности событий, имевших место в прошлой реальной действительности.

На наш взгляд, в рамках историографии для получения релевантных научных данных целесообразно осуществлять дальнейшую последовательную дифференциацию соответствующих текстов, то есть принципиально различать письменные исторические и историографические источники, которые некоторые исследователи, в особенности филологи, часто не совсем правомерно объединяют в одном смысловом ряду.

В то время как *письменные исторические источники* хранят живое тепло зафиксированного непосредственно, по горячим следам, факта или события, собственно *историографические источники* всегда темпорально дистанцированы от предмета описания, поскольку возникают в процессе специфической ментально-когнитивной деятельности их создателей, носящей интенционально обусловленный ретроспективный характер и ориентированной на реконструкцию подразумеваемого факта или события. Именно об этих источниках мы и будем вести речь.

Итак, в *собственно историографических текстах* оживление фрагментов реального прошлого как достояния коллективной памяти осуществляется речевыми субъектами, которые не пережили этот опыт **лично** в силу вышеупомянутой темпоральной дистанцированности, вследствие чего вполне закономерной будет мысль о наличии в этих текстах некоего «фермента недостоверности» (если пользоваться известным термином Л. Гинзбург), то есть элементов выдуманного / додуманного. Данное обстоятельство приводит к неизбежной актуализации в рамках историографии известной оппозиции «нефикциональность – фикциональность», что свидетельствует о постоянно существующей крайней неоднозначности отношений между историографией и литературой.

Если обратиться к непререкаемым историческим канонам, например к античному словесному искусству, то можно сразу предположить, что историография и литература всегда шли рука об руку, подерживая и обогащая друг друга.

Конечно же, «в начале было Слово», но слово это принадлежало Геродоту, автору первых историографических источников. Хотя античная литература и начинается эпосами Гомера, по своей сути и по характеру воздействия они являлись долитературными вещами, так как распространялись в устном виде и сопровождались различными комментариями. В данной связи у нас есть полное основание считать, что литературный век греческой культуры начинается именно с историографической прозы Геродота и, далее, Фукидида с его историей Пелопонесских войн, где уже отчетливо наблюдается не просто осознание автором фактора временности как таковой — здесь ощущается преодоление пишущим этой временности.

В XVIII веке в историографии и литературе, в частности в области английской культуры, отмечалась, согласно исследованиям В. Нюннинг, помимо единой целеустановки — в равной мере «поучать и радовать своих читателей» — и общая тенденция к однообразию в стиле (использование средств образности и пр.). Историографы должны были, подобно аукториальному повествователю в романах, постоянно сопровождать свое повествование пояснениями и комментариями, чтобы способствовать улучшению нравов читателей. Разница между историографией и литературой сводилась лишь к материалу, то есть к апелляции либо к истинным, либо к фикциональным фактам [7, S. 484–488].

Собственно говоря, вплоть до середины XIX века историография считалась отраслью литературы и оценивалась прежде всего как по своим языково-стилистическим и художественным качествам, так и по степени морального и дидактического воздействия на читателя (здесь и далее см.: [5, S. 213–214]). Лишь с развитием позитивистского мышления, вызвавшим стремление историографов к правде и объективности, происходит отчетливая функциональная дифференциация историографии и литературы, которая усиливается в XX веке вследствие литературных инноваций эстетизма и модернизма, а также возросшего профессионализма историков. Однако уже в период постмодернизма факт существования принципиальных различий между литературой и историографией был вновь подвергнут серьезным сомнениям.

Существует и вторая традиционная точка зрения, коренящаяся еще в поэтике Аристотеля, согласно которой историк описывает реальные события, в то время как писатель, изображающий историю, занимается областью возможного: один рассказывает, что произошло,

другой — что могло бы произойти. В результате следует говорить о четкой границе между историографией и литературой в силу онтологических различий между их референтами. Впрочем, представители современной теории дискурса и когнитивистики приходят опять-таки к выводу, что между историографией и литературой существует множество параллелей.

В соответствии с третьей достаточно распространенной концепцией историки используют при упорядочивании и изложении материала литературные средства (например, архетипы повествовательных моделей и риторические фигуры). Такая структурная идентичность повествовательных форм должна свидетельствовать о тесном родстве между историографическими и художественными произведениями.

Тем не менее в рамках этого направления ведутся дебаты о степени фикциональности в историографических текстах, в ходе которых подчеркивается тот факт, что фикциональные повествовательные тексты даже с формальной точки зрения отличаются от нефикциональных наличием в них совокупности специальных сигналов, характерных для художественного творчества (например, в плане структуры коммуникации, идентичности / неидентичности автора и рассказчика, повествовательной ситуации, употребления паратекстуальных и дейктических элементов, достаточно высокой меры неоднозначности и пр.) [5, S. 214].

На наш взгляд, в свете всех вышеизложенных теорий совершенно неоспоримым представляется все же тот факт, что в любом случае историограф как реконструирующий субъект научно-исторического познания в отличие от беллетриста как «производящего» субъекта искусства сталкивается с совершенно определенными сложностями. Для него, по мнению немецкого исследователя Д. Харта, собственно говоря, существуют лишь три пути обработки исторического материала [4, S. 16–17]:

- 1) «самоуничтожение» (Selbstausslöschung), то есть полное нивелирование познающего «Я» во имя объективности;
- 2) открытая позиция историка, выступающего с прокламацией объективных исторически значимых идей;
- 3) признание принципиально невозможной полноценной объективности в процессе исторического познания.

Хотя все три варианта исходят из акцептации категориальной «разности» исторического дискурса и эстетической теории, многие историки тем не менее все же пытаются найти решение проблемы в **эстетическом** дискурсе. Как констатирует далее Д. Харт, хотя в исто-

риографии не должно быть фикции, существуют все же риторические, поэтические и стилистические компоненты для создания консистентной исторической картины [4, S. 21].

В данном контексте симптоматичным может выглядеть напоминание о «живительном эликсире языка» немецкого исследователя Й. Рюзена, который в своих размышлениях относительно роли риторики и эстетики в историографии справедливо апеллирует к мнению Леопольда фон Ранке (Leopold von Ranke). Согласно «отцу исторической науки», язык придает событиям прошлого специфическое духовное качество, благодаря которому они, будучи историей, становятся медиумом человеческого самопознания и бытийной ориентации. Так, риторика, полагает далее Й. Рюзен, средствами которой описываются языковые процедуры «оживления» прошлого, выступает третьим элементом, то есть связующим звеном, объединяющим в историографии искусство и науку [8, S. 4].

Однако при всей важности и незаменимости эстетического начала в историографических текстах историки, в отличие от сочинителей исторических романов, всегда должны испытывать определенное беспокойство за возможность эмпирической проверки и перепроверки читателями и другими исследователями их высказываний. Несомненно, не каждое утверждение историографа можно подвергнуть пробе на аутентичность, но цель историографии как раз и заключается в том, чтобы по возможности увеличить число таких эмпирически проверяемых фактов.

По счастью в исторической науке существует так называемая «сила вето источников» (R. Koselleck), в соответствии с которой с ними можно делать многое, но не все. Таким образом, при рецепции историографических текстов необходимо учитывать мощное воздействие на производителя этих текстов фактора *постоянного внутреннего контроля*, сопровождающего весь процесс реконструкции прошлого пишущим «Я» и ограничивающего возможный произвол интерпретатора при его обращении с историческим материалом.

С другой стороны, не следует забывать о том, что дополнительные трудности в работе историографов возникают в связи с обширностью самого интерпретативного пространства, которое предоставляют в распоряжение субъекту ретроспективной деятельности в процессе его работы различные, иногда противоречащие друг другу исторические и историографические источники.

В данной связи хочется привести авторитетное мнение В. Беньямина, который подчеркивал, что формирование, точнее «переформирование» прошлого в историографии зависит от места историка в том

времени и пространстве, в которых возникает его дискурс, а из двух классических целей историографии — реконструкции и интерпретации прошлого — он всегда предпочитает вторую (цит. по: [6, S. 385]).

Подводя некоторые итоги размышлениям о сложном и неоднозначном характере взаимоотношений историографии и литературы, хотелось бы подчеркнуть, что данный вопрос будет еще долгое время оставаться предметом оживленных дискуссий в среде историков и филологов, пытающихся установить, о чем же идет речь при сравнении и сопоставлении подразумеваемых текстов: об их союзе, синтезе, диффузии, симбиозе или явлении простой комплементарности.

Безусловно, совершенно очевидно, что историографические тексты, функционирующие в роли важного носителя культурной памяти человечества, содержат ценную информацию об аутентичных событиях из нашего общего прошлого. Однако в процессе литературной обработки любой достоверный с научной точки зрения материал подвергается неизбежному эстетическому структурированию, а вследствие непрямой «сопричастности» речевого субъекта реконструируемым им фактам в этих текстах могут содержаться элементы, носящие фикциональный характер, но органически дополняющие совокупную картину пережитой реальной действительности.

Список литературы

1. Assmann A., Assmann J. Das Gestern im Heute. Medien und soziales Gedächtnis // Die Wirklichkeit der Medien. Eine Einführung in die Kommunikationswissenschaft / hrsg. von K. Merten, S.J. Schmidt, S. Weissenberg. Opladen, 1994. S. 114–140.
2. Burke P. Geschichte als soziales Gedächtnis // Mnemosyne. Formen und Funktionen der kulturellen Erinnerung / hrsg. von A. Assmann und D. Harth. Frankfurt am Main, 1991. S. 289–304.
3. Ernst U. Ars memorativa und Ars poetica in Mittelalter und Früher Neuzeit. Prolegomena zu einer mnemonistischen Dichtungstheorie // Ars memorativa: zur kulturgeschichtlichen Bedeutung der Gedächtniskunst 1400–1750 / hrsg. von J.J. Berns und W. Neubeck. Tübingen, 1993. S. 73–100.
4. Harth D. Historik und Poetik. Plädoyer für ein gespanntes Verhältnis // Geschichte als Literatur: Formen und Grenzen der Repräsentation von Vergangenheit / hrsg. von H. Eggert. Stuttgart, 1990. S. 12–23.
5. Metzler-Lexikon Literatur- und Kulturtheorie: Ansätze – Personen – Grundbegriffe / hrsg. von A. Nünning. Stuttgart ; Weimar, 1998.
6. Moses St. Eingedenken und Jetztzeit – Geschichtliches Bewußtsein im Spätwerk Walter Benjamins // Memoria – vergessen und erinnern / hrsg. von A. Haverkamp und R. Lachmann unter mitw. von R. Herzog. München, 1993. S. 385–405.

7. Nünning A. Historiographie als identitätsbildender Interdiskurs: Versuch einer funktionsgeschichtlichen Gattungsbestimmung am Beispiel der Werke von Catharine Macaulay // Staatstheoretische Diskurse im Spiegel der Nationalliteraturen von 1500 bis 1800 / hrsg. von B. Bauer und W. G. Müller. Wiesbaden, 1998. S. 481 – 508.

8. Rüsen J. Rhetorik und Ästhetik der Geschichtsschreibung: Leopold von Ranke // Geschichte als Literatur: Formen und Grenzen der Repräsentation von Vergangenheit / hrsg. von H. Eggert. Stuttgart, 1990.

9. Sprandel R. Chronisten als Zeitzeugen: Forschungen zur spätmittelalterlichen Geschichtsschreibung in Deutschland. Köln ; Weimar ; Wien, 1994.

10. Stocker P. Theorie der intertextuellen Fallstudien. Paderborn ; München ; Wien ; Zürich, 1998.

Об авторе

Бондарева Людмила Михайловна, кандидат филологических наук, профессор, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: bondareva.koenig@mail.ru

Для цитирования:

Бондарева Л. М. Историография и литература: союз или симбиоз? // Слово.ру: балтийский акцент. 2017. Т. 8, № 2. С. 66–75. doi: 10.5922/2225-5346-2017-2-6.

HISTORIOGRAPHY AND LITERATURE: AN ALLIANCE OR A SYMBIOSIS?

L. M. Bondareva¹

¹ Immanuel Kant Baltic Federal University,
14 A. Nevski Str., Kaliningrad, 236041, Russia

Submitted on May 17, 2017

This article examines the concept of cultural memory. Special attention is paid to historiographical texts as a means of representation of cultural memory. The author analyses and compares theories describing relations between historiographical and literary texts. Such relations are based on the fiction/non-fiction opposition. It is concluded that the aesthetic component assumes significance in structuring historiographical texts.

Key words: cultural memory, primary sources, historiographical texts, literature, fiction.

References

1. Assmann, A., Assmann J., 1994. Das Gestern im Heute. Medien und soziales Gedächtnis. In: K. Merten, S.J. Schmidt, S. Weissenberg, eds. *Die Wirklichkeit der Medien. Eine Einführung in die Kommunikationswissenschaft*. Opladen. pp. 114 – 140.
2. Burke, P., 1991. Geschichte als soziales Gedächtnis. In: A. Assmann, D. Harth, eds. *Mnemosyne. Formen und Funktionen der kulturellen Erinnerung*. Frankfurt am Main. pp. 289 – 304.
3. Ernst, U., 1993. Ars memorativa und Ars poetica in Mittelalter und Früher Neuzeit. Prolegomena zu einer mnemonistischen Dichtungstheorie. In: J.J. Berns, W. Neubeck, eds. *Ars memorativa: zur kulturgeschichtlichen Bedeutung der Gedächtniskunst 1400 – 1750*. Tübingen. pp. 73 – 100.
4. Harth, D. Historik und Poetik. Plädoyer für ein gespanntes Verhältnis. In: H. Eggert, ed. *Geschichte als Literatur: Formen und Grenzen der Repräsentation von Vergangenheit*. Stuttgart. pp. 12 – 23.
5. Nünning, A., ed., 1998. *Metzler-Lexikon Literatur- und Kulturtheorie: Ansätze – Personen – Grundbegriffe*. Stuttgart; Weimar.
6. Moses, St., 1993. Eingedenken und Jetztzeit – Geschichtliches Bewußtsein im Spätwerk Walter Benjamins. In: A. Haverkamp, R. Lachmann, eds. *Memoria – vergessen und erinnern*. München. pp. 385 – 405.
7. Nünning, A., 1998. Historiographie als identitätsbildender Interdiskurs: Versuch einer funktionsgeschichtlichen Gattungsbestimmung am Beispiel der Werke von Catharine Macaulay. In: B. Bauer, W.G. Müller, eds. *Staatstheoretische Diskurse im Spiegel der Nationalliteraturen von 1500 bis 1800*. Wiesbaden. pp. 481 – 508.
8. Rüsen, J., 1990. Rhetorik und Ästhetik der Geschichtsschreibung: Leopold von Ranke. In: H. Eggert, ed. *Geschichte als Literatur: Formen und Grenzen der Repräsentation von Vergangenheit*. Stuttgart.
9. Sprandel, R., 1994. *Chronisten als Zeitzeugen: Forschungen zur spätmittelalterlichen Geschichtsschreibung in Deutschland*. Köln; Weimar; Wien.
10. Stocker, P., 1998. *Theorie der intertextuellen Fallstudien*. Paderborn; München; Wien; Zürich.

The author

Dr Lyudmila M. Bondareva, Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: bondareva.koenig@mail.ru

To cite this article:

Bondareva L.M. 2017, Historiography and literature: An alliance or a symbiosis?, *Slovo.ru: baltijskij accent*, Vol. 8, no. 2, p. 66 – 75. doi: 10.5922/2225-5346-2017-2-6.